

Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз*

Г. Б. Романовский, В. Г. Романовский

Пензенский государственный университет,
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, 40

Для цитирования: Романовский, Георгий Б., Владислав Г. Романовский. 2022. «Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 599–616. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.302>

В статье раскрывается содержание запрета пыток в конституционных и международных актах. Указывается на абсолютный характер запрета, который подтверждается обширной практикой международных правозащитных организаций. В настоящее время происходит пересмотр общего отношения к пыткам в странах Западной Европы на фоне усиления террористических угроз. В США после теракта 11 сентября 2001 г. на уровне директив Министерства юстиции были разрешены некоторые методы «интенсивного допроса» в целях получения информации у лиц, захваченных во время антитеррористических операций. Предполагалось, что на террористов в условиях объявленной «войны против террора» не распространяются привилегии, предусмотренные Женевскими конвенциями в отношении военнопленных. Исследовательские задачи статьи решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных проблемам применения пыток в условиях противодействия терроризму. В качестве метода исследования в первую очередь использован сравнительно-правовой, позволивший провести изучение зарубежных нормативных и доктринальных источников. В статье представлен анализ зарубежной научной дискуссии о допустимости пыток в отношении террористов. Сторонники применения пыток настаивают на общей обязанности государства обеспечивать безопасность собственных граждан. Одним из аргументов выступает отсутствие нравственных границ у самих террористов, способных на совершение смертельных атак в отношении мирных граждан. Сторонники применения пыток отталкиваются от принципа крайней необходимости при получении информации о подготавливаемых терактах, противники исходят из принципа морального абсолюта, не оправдывающего достижение цели любыми средствами. В современной юридической науке происходит поиск баланса между достоинством человека, подозреваемого в подготовке террористического акта, и безопасностью иных граждан, общества, государства.

Ключевые слова: пытка, достоинство человека, запрет, тикающая бомба, конституционная ценность, терроризм, угроза.

1. Введение

Пытки в современном мире оцениваются однозначно: любое их применение у цивилизованного человека вызывает определенное отвращение, ассоциируется с жестокими практиками Средневековья и секретных полицейских служб тоталитарных государств, где права человека не находятся в приоритете шкалы ценностей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Если упоминать исторический опыт, то истязания в Западной Европе, в условиях разгула инквизиции, освящались Папским престолом: 5 мая 1152 г. Иннокентий IV одобрил употребление пытки для поиска еретиков (Ланглуа 1903, 38). Пытка получила столь широкое распространение, что спустя некоторое время пришлось издавать дополнительные распоряжения о введении ограничений. Пытали даже животных, которых обвиняли в сговоре с дьяволом. Особые мучения практиковались на «ведьминских процессах» — достаточно упомянуть известную книгу «Молот ведьм» (Крамер, Шпренгер 2017). Я. Канторович, проведя подробное исследование пыточных практик, отмечал: «Приходится поражаться и удивляться изобретательности святых отцов, с которой были продуманы эти страшные орудия пытки и с которой они умели разнообразить причиняемые ими муки» (Канторович 1896, 47).

С XVI в. отношение к пыткам в Западной Европе медленно, но последовательно стало меняться. Антон Преториус, Фридрих Шпее, Христиан Томазий обосновывали с точки зрения христианского учения ничтожность признания, полученного под воздействием боли и мучений. Чезаре Беккариа в своем произведении «О преступлении и наказании» посвятил пытке самостоятельную главу, осуждая законы, ее легитимирующие. Вольтер называл пытку гнусностью, сокрушаясь, что только во Франции на тот момент она была сохранена (Вольтер 1956, 265).

Российская правовая традиция также строилась на неприятии пыток. Е. Н. Трубецкой именовал законы, их устанавливающие, «в высшей степени безнравственными» (Трубецкой 1917, 25). Л. Е. Владимиров считал, что пытка — «печальная страница из истории уголовного правосудия» (Владимиров 1910, 102). Неприятие пыток в России к концу XIX в. было столь явным, что даже их возникновение на Руси многие ученые связывали с заимствованием (мнения лишь разделялись в источнике заимствования — Византия, Великая степь или Германия) (Сергеевич 1910). Первым опытом запрета пыток можно считать наказ Екатерины II: «Употребление пыток противно здравому естественному рассуждению; само человечество вопиет против оных и требует, чтобы они были вовсе уничтожены... Все наказания, которые тело человеческое изуродовать могут, должны быть отменены»¹. Официально пытка была отменена Указом императора Александра I от 27.09.1801 (в нем она именовалась «стыдом и укоризной человечеству»)².

Советская доктрина уголовного правосудия отличалась лицемерием. С одной стороны, ни один Уголовно-процессуальный кодекс того времени не предусматривал применение пыток. А. Я. Вышинский, оценивая систему доказательств, указывал на признание как «царицу» и при этом считал ошибочным тезис, идущий из Средневековья (Вышинский 1941, 177). С другой стороны, опубликовано значительное число свидетельств о методиках получения признания в антисоветской деятельности в эпоху Большого террора (достаточно обратиться к произведениям А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, почитать «Ленинградский мартиролог»).

В настоящее время ст. 21 Конституции РФ³, предусматривая в ч. 1 обязательства государства по охране достоинства личности, в ч. 2 устанавливает запрет пы-

¹ Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767. Дата обращения 21 апреля, 2022. http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1scPZNBbgt.pdf.

² Именной указ от 27.09.1801, данный Сенату, «Об уничтожении пытки». С. 137. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://www.prlib.ru/item/681383>.

³ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 21 апреля, 2022. <http://www.consultant.ru>.

ток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания. Аналогичные запреты предусмотрены в зарубежных конституционных актах. Нет смысла цитировать эти источники, укажем лишь, что и в странах, где господствующей религией является ислам, предусматриваются точно такие же запреты, как в европейских государствах. Подобная ремарка имеет значение, поскольку в мире есть определенные попытки связать наличие мучительных практик с традицией, характерной для арабских государств. Такое утверждение подробно развенчивается в объемном исследовании С. Реза «Пытки и исламское право» (Reza 2007), главный тезис которого звучит так: «Запрет пыток соответствует исламскому закону, если не требуется им самим».

Запрет пыток установлен всеми базовыми международными документами в области прав человека — ст. 5 Всеобщей декларации прав человека⁴, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵, ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶, ст. 5 Американской конвенции прав человека⁷, ст. 5 Африканской хартии прав человека и народов⁸. Пытки запрещены Женевскими конвенциями от 12.08.1949⁹, определяющими содержание международного гуманитарного права. В соответствии со ст. 7 Римского статута Международного уголовного суда пытки объявлены преступлением против человечности¹⁰.

Универсальным международным документом выступает Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹¹. Конвенция закрепила официальное понятие пытки, а также гарантии их недопущения. На европейском уровне действует Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26.11.1987¹². К ней приняты также Протоколы № 1 и № 2 от 04.11.1993¹³. Названные документы ратифицированы Российской Федерацией.

Наличие столь обширных правовых баз, международной и национальной, казалось бы, должно полностью закрыть тему пыточных практик. Однако реальное

⁴ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. Дата обращения 21 апреля, 2022. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

⁵ Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Дата обращения 21 апреля, 2022. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

⁶ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. 1953. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=005>.

⁷ American Convention on Human Rights. 1978. Дата обращения 21 апреля, 2022. <http://www.cidh.org/Basicos/English/Basic3.American%20Convention.htm>.

⁸ African Charter on Human and Peoples' Rights. 1986. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://www.achpr.org/legalinstruments/detail?id=49>.

⁹ Конвенции и соглашения. Дата обращения 21 апреля, 2022. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1946.shtml.

¹⁰ Римский статут Международного уголовного суда. Дата обращения 21 апреля, 2022. [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).

¹¹ Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984. Дата обращения 21 апреля, 2022. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml.

¹² European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. Дата обращения 21 апреля, 2022. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=79&nd=201143786&collection=1.

¹³ European Convention for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment Text of the Convention and Explanatory Report. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://rm.coe.int/16806dbaa3>.

состояние дел далеко от идеала. Попытки используются при допросах, о чем свидетельствуют решения международных правозащитных органов в отношении многих стран (включая Российскую Федерацию), а также регулярные сообщения в СМИ. География пыток весьма обширна. При этом ни в науке, ни в официальных пресс-релизах органов власти (даже тех государств, где пытки весьма распространены) не подвергается сомнению тезис об абсолютности запрета. Такое состояние дел наблюдалось долгое время, пока мир не столкнулся с новым типом террористических угроз, наиболее ярко проявившимся 11 сентября 2001 г., когда несколько террористов убили почти столько же граждан США, сколько погибло во время налета армады самолетов на Перл-Харбор в 1941 г.¹⁴ После этого получила развитие концепция «катастрофического терроризма», когда террорист-одиночка может причинить значительный вред государству, вплоть до полного уничтожения критической инфраструктуры. Подобные опасения подогреваются медийными обсуждениями возможности создания ядерной бомбы в домашних условиях.

2. Основное исследование

2.1. Запрет пыток в решениях международных судебных органов

Международные конвенции создают определенные механизмы обеспечения обязательств, закрепленных в них и взятых на себя государствами, подписавшими эти документы. В рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) действует Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), в рамках Американской конвенции прав человека — Межамериканский суд по правам человека, в рамках Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания — Комитет против пыток. Анализ принятых решений по делам, связанным с применением пыток, показывает, что практика истязаний имеет прямую связь с борьбой против терроризма. Так, первые знаковые дела, рассмотренные в ЕСПЧ, — «Греческое дело» (The Greek Case)¹⁵ и «Ирландское дело» (The Irish Case)¹⁶. В обоих случаях рассматривались межгосударственные жалобы, но если в «Греческом деле» жалоба не была доведена до логического конца (Греция, находясь во власти военного режима «черных полковников», вышла из Совета Европы и денонсировала ЕКПЧ), то в «Ирландском деле» можно наблюдать две фазы развития событий.

Первая фаза связана с рассмотрением первичной жалобы Ирландии против Соединенного Королевства с обвинением в нарушениях ст. 3 ЕКПЧ (устанавливающей запрет пыток и унижающих достоинство, бесчеловечных, жестоких практик).

¹⁴ В результате атаки 11 сентября 2001 г. в зданиях Всемирного торгового центра погибли 2606 чел. (Доклад Национальной комиссии США по террористическим атакам. Дата обращения 21 апреля, 2022. https://www.9-11commission.gov/report/911Report_Ch9.htm.) В результате нападения на Перл-Харбор погибли 2335 чел. Сведения представлены в энциклопедии Britannica. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://www.britannica.com/event/Pearl-Harbor-attack/The-attack>.

¹⁵ The Greek Case. Report of the Sub-Commission. 1969. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-73020&filename=001-73020.pdf>.

¹⁶ Case of Ireland v. the United Kingdom, No. 5310/71, 1978. Дата обращения 28 декабря, 2020. [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-181585%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-181585%22]}).

Предметом проверки стали «интенсивные допросы», использовавшиеся осенью 1971 г. сотрудниками североирландской полиции в отношении лиц, содержащихся под стражей в Палас Барракс. Понимая репутационные риски, Великобритания, по сути, признала свою вину, направив в ЕСПЧ объяснения, в которых указывалось на запрет подобных интенсивных допросов. Следствием стали проведение внутреннего расследования в целях недопущения подобного злоупотребления и реализация программ реабилитации для пострадавших. В то же время основной канвой ответа Великобритании выступала оправданность экстраординарного поведения должностных лиц правоохранительных органов. Ситуация была представлена так, что рассматриваемые допросы, основанные на «лишении сенсорного восприятия», имели положительный эффект и помогли выявить виновных в 85 нераскрытых уголовных преступлениях. Особые полномочия правоохранительных органов определялись специальными законами о предупреждении терроризма, носившими временный характер (каждые два года, начиная с 1974 г.¹⁷, они перепутывались). Несмотря на активную позицию Великобритании, ЕСПЧ принял итоговое решение — Постановление от 18.01.1978 по делу «Ирландия против Соединенного Королевства». Методики допроса не были признаны пытками (тринадцатью голосами против четырех), но квалифицировались как унижающее достоинство обращение.

Вторая фаза заключалась в попытке пересмотра Постановления от 18.01.1978, предпринятой Ирландией спустя 25 лет. Ирландские власти отмечали, что медицинский работник, проводивший освидетельствование пострадавших и представивший в ЕСПЧ медицинское заключение, ввел в заблуждение судей и мировую общественность, указав на краткосрочность расстройств. Летом 2014 г. был показан фильм «The torture files» («Досье о пытках»), в котором ярко показывалась судьба пострадавших (многие из них имели длительные расстройства психического и соматического характера)¹⁸. К тому же в открытом доступе появились документы, свидетельствующие о попытках официальных властей Великобритании затянуть процесс и закончить дело возмещением гражданского ущерба в национальных судебных инстанциях. В Постановлении от 20.03.2018 по делу «Ирландия против Великобритании» ЕСПЧ отменил доводы Ирландии, посчитав, что представленные доказательства не могли повлиять на оценку действий в 1978 г.

Попытки провести дополнительное расследование в Ирландии и Великобритании не прекращаются. Основным инициатором привлечения к ответственности за пытки в 1970-х годах выступает общественная организация Amnesty Ireland. Ее действия столь активны, что в марте 2020 г. в парламент Великобритании был внесен законопроект о закреплении срока давности в отношении преступлений военных и полицейских сил, совершенных во время наведения порядка в Ольстере¹⁹.

В ЕСПЧ неоднократно рассматривались дела против Турции, где те или иные практики оценивались как пыточные, в частности в Постановлении от 18.12.1996 по

¹⁷ Prevention of Terrorism (Temporary Provisions) Act, 1974. Дата обращения 28 декабря, 2020. <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/56/contents/enacted>.

¹⁸ RTÉ Investigations Unit: The Torture Files. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://www.rte.ie/news/player/prime-time-web/2014/0604>.

¹⁹ Overseas Operations (Military Personnel and Veterans) Bill, 2020. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmpublic/OverseasOperations/memo/OOB07.htm>.

делу «Аксой против Турции»²⁰ и Постановлении от 25.09.1997 по делу «Айдын против Турции»²¹. В каждом случае официальные власти ссылались на особые полномочия правоохранительных органов, обусловленные чрезвычайной ситуацией в результате террористической деятельности той или иной организации (в Турции чаще всего речь шла о Рабочей партии Курдистана).

Российская Федерация также имеет свой «пыточный кейс» в ЕСПЧ, связанный с наведением конституционного порядка в Чеченской Республике, а именно Постановления ЕСПЧ от 18.01.2007 по делу «Читаев и Читаев против Российской Федерации»²², от 21.06.2011 по делу «Исаев и другие против Российской Федерации»²³, от 20.01.2011 по делу «Гисаев против Российской Федерации»²⁴ и др. Если рассматривать дела, поданные против Российской Федерации, то власти не обосновывали свои действия экстраординарностью ситуации. Факты причинения вреда, безусловно, оценивались как преступления, в отношении которых проводились следственные мероприятия. Однако расследование таких дел затягивалось, что и приводило к признанию официальных властей РФ виновными в нарушении ст. 3 ЕКПЧ.

Обратим внимание на решения Межамериканского суда по правам человека (а также Межамериканской комиссии по правам человека). В конце XX в. некоторые страны Латинской Америки переживали период чрезвычайного правления военных сил, сопровождавшийся отказом от соблюдения многих гражданских и политических прав и свобод. Это обосновывалось необходимостью подавления оппозиции (в первую очередь представлявшей левые взгляды марксистского толка), усиливавшейся благодаря нарастанию социальных проблем. Фактически же можно было наблюдать классические проявления гражданской герильи. В некоторых случаях придумывался специальный термин (например, «грязная война» в Аргентине). Благодаря специальной терминологии негативным проявлениям злоупотребления властью придавалась легальность.

Из значимых решений Межамериканской комиссии по правам человека укажем на Постановление по делу «Ракель Мехия против Перу», в котором было определено, что изнасилование подпадает под определение пытки²⁵. Так был открыт «перуанский кейс», включающий в себя значительное число дел, рассмотренных по жалобам на действия официальных лиц данной страны. Точкой отсчета можно считать 1992 г., когда произошел военный переворот, приведший к созданию Правитель-

²⁰ Case of Aksoy v. Turkey, No. 21987/93, 1996. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Aksoy%20v.%20Turkey%22%5D%2C%22itemid%22:%5B%222001-58003%22%5D%7D>.

²¹ Case of Aydin v. Turkey, No. 57/1996/676/866, 1997. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Aydin%20v.%20Turkey%22%5D%2C%22itemid%22:%5B%222001-58371%22%5D%7D>.

²² Case of Chitayev and Chitayev v. Russia, No. 59334/00, 2007. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%222001-79109%22%5D%7D>.

²³ Case of Isayev and Others v. Russia, No. 43368/04, 2011. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22ISAYEV%20AND%20OTHERS%22%5D%2C%22itemid%22:%5B%222001-105277%22%5D%7D>.

²⁴ Case of Gisayev v. Russia, No. 14811/04, 2011. Дата обращения 21 апреля, 2022. <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22fulltext%22:%5B%22Case%20of%20Gisayev%20v.%20Russia%202011%22%5D%2C%22itemid%22:%5B%222001-102896%22%5D%7D>.

²⁵ Права человека при отправлении правосудия: пособие по правам человека для судей, прокуроров и адвокатов. ООН, 2003. С. 396–397.

ства по чрезвычайным ситуациям и национальному восстановлению, наделенного правом издавать декреты-законы, позволявшие вводить экстраординарные правила, исключаящие основные процессуальные гарантии, предъявляемые к процедуре уголовного преследования. Максимальные полномочия получила служба DINCOTE (Dirección Nacional Contra el Terrorismo — специальный орган по борьбе с терроризмом и государственной изменой). Только в 2003 г. Конституционный суд Перу признал ряд положений законодательства о противодействии терроризму неконституционным. К «перуанскому кейсу» следует отнести решения Межамериканского суда по правам человека по делу «Лоайза Тамайо против Перу» (1997 г.)²⁶, а также иным делам. В каждом из них суд выявил обыденность пыточных практик, используемых военными и полицейскими страны, а также подчеркивал, что никакое жестокое обращение не может быть оправданным, независимо от контекста, даже если оно происходит в рамках усилий по противодействию терроризму.

2.2. Запрет пыток и борьба с терроризмом: феномен 11 сентября

11 сентября 2001 г. внесло масштабные коррективы в мировую антитеррористическую политику. Главы ведущих держав подчеркивали, что атака на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке разделила ход событий на до и после. В США последствия имели внешний и внутренний аспекты. Первый породил концепцию войны против террора, второй — принятие Патриотического акта, внесшего серьезные коррективы в нормативные акты, посвященные противодействию терроризму. Подверглась изменению и идеология борьбы с мировым злом. Во многих научных работах стали появляться предложения о пересмотре общего содержания базовых прав человека. Д. Д. Фирон заявляет о «немыслимости прежних гражданских свобод» в «страшном мире будущего» (Fearon 2003). К. Ханивуд настаивает, что в государстве должна быть создана «ответственная правовая основа» противодействию терроризму, а спецслужбы должны быть обеспечены «эффективными правовыми средствами». Антитеррористические законы не могут становиться при этом контрпродуктивными и приводить к «преднамеренной маргинализации» британского мусульманского сообщества (Honeywood 2016, 32). Р. Познер выдвинул концепцию «строго не соблюдаемых абсолютных формальных запретов» (Posner 2006, 56), выдвинув весьма спорную идею: «Если мы не позволим Конституции согнуться, она может сломаться» (Posner 2006, 7). Для справедливости укажем, что эта концепция подверглась жесткой критике (Segev 2009). Кстати, Р. Познер при характеристике конституционного права в период чрезвычайных ситуаций использует ключевую фразу, вынесенную в название его труда: «Не пакт о самоубийстве». Это созвучно тезису судьи Роберта Х. Джексона, сформулированному еще в 1949 г.: Конституция «не является договором о самоубийстве»²⁷.

²⁶ Loayza Tamayo v. Peru. Дата обращения 28 декабря, 2020. https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Loayza_Tamayo_v_Peru/Loayza%20Tamayo%20v.%20Peru.pdf; Бальдеон Гарсиа против Перу (2006) (Baldeón García v. Peru). Дата обращения 28 декабря, 2020. https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/Baldeon_Garcia_v_Peru/Balde%2B%C2%A6n%20Garc%2B%C2%A1a%20v.%20Peru.pdf; Эспиноза Гонсалес против Перу (2014) (Espinoza González v. Peru). Дата обращения 28 декабря, 2020. https://iachr.ils.edu/sites/default/files/iachr/Cases/karim_espinoza_gonzales_v._peru.pdf.

²⁷ Судья Джексон использовал данную фразу в Особом мнении к решению Верховного суда США по делу «Терминиелло против Чикаго» (Terminiello v. City of Chicago, 337 U. S. 1, 3–4. 1949. Дата

В 2004 г. были преданы огласке факты применения пыток к заключенным специальной тюрьмы в Гуантанамо (военной базе США), где содержались лица, обвиненные в сотрудничестве с «Аль-Каидой» и «Талибаном»*. Правозащитная организация Amnesty International неоднократно публиковала пресс-релизы о регулярном применении симуляции утопления к некоторым узникам²⁸. Примерно в то же время появились сведения о пытках военнопленных и гражданских лиц, содержащихся в иракской тюрьме Абу-Грейб (в блоке, находившемся под контролем военнослужащих США). Спецслужбы США заняли двойственную позицию: с одной стороны, они признали подобные действия противоречащими международным документам, а с другой — сослались на военную необходимость²⁹.

Проблема пыток долгое время не поднималась в зарубежных научных исследованиях. Считалось, что подобное явление — перевернутая страница европейской системы правосудия. Если что-то подобное и могло происходить, то в виде некоторых злоупотреблений, быстро выявляемых в рамках национальной правовой системы. Действительно, практика ЕСПЧ показательна в этой части. Большинство дел, касающихся ст. 3 ЕКПЧ, относились в большей мере к обращению, унижающему достоинство и не получавшему квалификацию как пытка. Коррективы внесли Турция и Россия (а также иные государства, вошедшие в Совет Европы в конце XX в.). Классической считается общая публикация М. Уолцера, вышедшая в свет в 1973 г., в которой поднимается проблема «грязных рук» (Walzer 1973). Но даже эта работа не была бы такой цитируемой, если в ней не упоминалась этическая дилемма пыток лидера повстанцев в целях спасения жизни мирных граждан. М. Уолцер усложняет проблему, подчеркивая, что приказ о пытках должен быть принят политиком, ранее публично осуждавшим насилие (и тем более пытки). Новый смысл указанная работа приобрела только после теракта 2001 г., когда в ноябре (спустя два месяца после трагических событий 11 сентября) был опубликован ошеломляющий результат социального опроса, в рамках которого ставился вопрос о допустимости пыток пойманных террористов — их одобрили 32 % участвовавших в голосовании (McLaughlin 2001). 4 ноября 2001 г. в журнале Newsweek была опубликована статья с характерным названием «Время подумать о пытках» (Alter 2001), в которой витиевато указывалось на противоречие пыток американским ценностям, однако предлагалось подумать о новых мерах борьбы с терроризмом (в частности, передавать преступников в юрисдикцию «менее брезгливых союзников»). Известный ученый Алан Дершовиц (представитель Гарвардской школы права) в 2002 г. на своей лекции попросил студентов-юристов, согласных с несмертельными пытками террористов в ситуации «тикающей бомбы», поднять руку. Руки подняли практически все присутствовавшие (Dershowitz 2002, 19).

Идея «тикающей бомбы» активно используется для обоснования пыточных технологий. Большинство специалистов по тактике допроса признают, что есть

обращения 22 апреля, 2022. <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/usrep/usrep337/usrep337001/usrep337001.pdf>.

* Террористические организации, запрещены на территории Российской Федерации.

²⁸ «США: потенциальная казнь подвергнутых пыткам и впоследствии осужденных узников Гуантанамо — это не правосудие». *Amnesty International*. 2004. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://amnesty.org.ru/node/244>.

²⁹ Rumsfeld approved Iraq interrogation methods: report. 2004. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://www.abc.net.au/news/2004-05-16/rumsfeld-approved-iraq-interrogation-methods-report/1976460>.

различные методы получения информации, не связанные с причинением страданий и отличающиеся высокой эффективностью. Однако в каждом случае требуется определенное время для уяснения психологических и иных особенностей допрашиваемого. Концепт «тикающей бомбы» отнимает весомые аргументы у сторонников построения контакта оперативного работника и террориста. Фактор времени играет иную роль: требует ускорения процесса получения необходимой информации.

В работе А. Дершовица с провокационным названием «Почему терроризм работает» доказывается, что терроризм является эффективной практикой, «рациональным выбором для достижения политических целей» (Dershowitz 2002, 37), используемой представителями мусульманского сообщества (в книге идет речь о тамильских тиграх, палестинских террористах и «Хезболле»). Автор отмечает взаимосвязь между террористическими акциями и последовавшими политическими достижениями. По мнению А. Дершовица, конституционные ценности не должны привести к уничтожению государства, нации и Конституции. В то же время предоставление права на использование пыток в любом деле приведет к уничтожению либеральных ценностей: «Если юридические процедуры не будут закреплены, власти все равно станут применять жесткие меры, но их деятельность останется невидимой и нерегулируемой. Применение пыток умножится в темноте» (Dershowitz 2002, 134). Ограничение применения пыток возможно при получении судебного ордера, выдаваемого в исключительных случаях. Правовое регулирование должно обеспечивать открытость, прозрачность, публичность и подотчетность использования «сильных мер».

В другой работе А. Дершовиц (Дершовиц 2011) приводит некоторые решения Верховного суда США, косвенно подтверждающие возможность применения пыток. В частности, дается ссылка на решение от 27.05.2003 по делу *Chavez v. Martinez*³⁰, где указывалось, что акт пытки подозреваемого с целью получить признание не является нарушением права не оговаривать самого себя, закрепленного в Пятой поправке, в случае если признание не используется впоследствии в обвинении подозреваемого по уголовному делу. Акт пытки может при этом выступать нарушением надлежащего судопроизводства в особых случаях. А. Дершовиц в нескольких своих работах ссылается также на решение Апелляционного суда 11-го округа от 18.06.1984³¹, в котором удушающий прием и выкручивание рук в целях получения информации о местонахождении заложника были признаны необходимыми мерами, адекватными опасности. В решении четко обозначено, что суд не санкционирует применение силы, но в данном случае не было пренебрежения законом. Сотрудники полиции характеризовались как группа сотрудников, действующих разумным образом для получения необходимой информации в целях защиты другого человека от реальной угрозы смерти. Иными словами, суд произвел оценку конституционных ценностей, не придавая запрету пыток абсолютного характера. Данная логика порождает значительное число практических вопросов.

Говоря о противодействии терроризму, обозначим отправные точки.

Во-первых, право жертв атаки на жизнь (которое подвергается умалению в случае реальности теракта) также является абсолютной ценностью. В большин-

³⁰ U. S. Reports: *Chavez v. Martinez*, 538 U. S. 760 (2003). Дата обращения 28 декабря, 2020. <http://cdn.loc.gov/service/ll/usrep/usrep538/usrep538760/usrep538760.pdf>.

³¹ *Leon v. Wainwright*. 734 F.2d 770 (11th Cir. 1984). Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://casetext.com/case/leon-v-wainwright>.

стве международно-правовых актов право на жизнь и запрет пыток — равнозначные ценности, закреплена недопустимость их ограничений. При этом субъекты — обладатели ценностей — различны. С одной стороны — добропорядочные граждане, с другой — преступник. Защищая преступника, государство умаляет права добропорядочных граждан. Исполняя обязательства по соблюдению прав одного лица, государство отказывается исполнять их по отношению к другому. К тому же в рамках выяснения нюансов подготовленного террористического акта исполнитель (или иной соучастник) не уничтожается, его право на жизнь не подвергается ни умалению, ни ограничению.

Во-вторых, конституционные акты (как и международно-правовые) допускают умаление одной ценности при конкуренции с другой. В качестве примеров достаточно привести институты необходимой обороны (ст. 37 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ)), причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ). В международном гуманитарном праве комбатант обладает правом убивать военного противника, не боясь быть привлеченным за это к уголовной ответственности.

Подобные тезисы озвучены А. А. Троицкой, рассматривавшей запрет пыток при уяснении принципа пропорциональности ограничений прав человека (Троицкая 2015). Произведя соответствующую оценку возможной ситуации, автор делает ремарку о недопустимости пыточных практик, ссылаясь на то, что многие аргументы выделялись судебными инстанциями. Это обуславливает научный поиск необходимых аргументов при обосновании той или иной позиции. А. А. Троицкая подчеркивает, что в логике допустимости пыток мы так или иначе уходим в консеквенциализм (где высший аргумент — «цель оправдывает средства» — принадлежит Н. Макиавелли). Все это справедливо, но не дает ответа на главный вопрос: допустимо ли уклоняться от соблюдения запрета пыток в экстраординарных ситуациях? А. Дершовиц предлагает конкретное решение, хотя и похожее на отказ от базовых обязательств по защите прав человека. Он допускает использование несмертельных пыток: «Стерилизованная игла, вставленная под ногти, причиняет невыносимую боль без какой-либо угрозы для здоровья или жизни» (Dershowitz 2002, 144). Говоря о допустимости подобного допроса, в каждом конкретном случае необходимо исходить из принципов объективной необходимости и соразмерности действия и защищаемого блага. Такое предложение не могло не вызвать бурной реакции. Экстремальность предлагаемого многими видится настолько шокирующей, что в ряде работ А. Дершовица называют современным Торквемадой (с чем не согласен сам гарвардский юрист, но данное прозвище с долей иронии неоднократно упоминает в своих работах).

Общий посыл А. Дершовица заключается в том, что современный терроризм «работает», как обозначено в самом названии книги (Dershowitz 2002). Этому способствует западная система ценностей. Ученый не ратует за полную отмену (или пересмотр) гражданских прав, он лишь обосновывает необходимость поиска нового баланса между безопасностью, свободой и правами человека. Только аморальное общество может позволить себе такие шаги, как полное пренебрежение жизнью собственных граждан (какая разница, сколько граждан погибнет от террористических атак?) или тотальная борьба с террором за счет отказа от гражданских свобод в целях обеспечения безопасности. Концепция А. Дершовица строится на

сопоставлении ценностей при оценке конкретной (невывышенной) ситуации, причем часто используется аргумент «тикающей бомбы»: если есть возможность спасти тысячи жизней, можно пренебречь некоторыми правами конкретного человека, в отношении которого есть данные о причастности к террористической деятельности. А. Дершовиц всегда отмечает, что он сторонник либертарианства, и его сложно обвинить в отказе от демократических принципов. Иной момент, который подчеркивается им во многих работах, заключается в установлении минимального судебного контроля над возможным применением пыток в условиях крайней опасности. Получается, что А. Дершовиц признает реальность пыток в ответ на подготавливаемые теракты и именно поэтому предлагает ввести практику в минимальные легитимные рамки.

Израильский ученый Т. Мейзельс выступает оппонентом А. Дершовица в вопросе оправдания пыток в условиях катастрофического терроризма (Meisels 2008). Если А. Дершовиц предлагает предварительное санкционирование, то Т. Мейзельс указывает на возможность ретроспективного оправдания. По его мнению, концепция А. Дершовица может послужить лавинообразному прорыву, когда в противостоянии каждая сторона идет на повышение ставок. Усиление террористических атак повлечет крайние меры со стороны официальных лиц, что, в свою очередь, приведет к повышению террористической активности. Возникает замкнутый круг, который для многих террористических организаций и является целью, поскольку способствует созданию ореола мученика и увеличению числа их сторонников. При ретроспективном оправдании запрет пыток не подвергается сомнению, но допускается освобождение от ответственности за преступное деяние.

Приведенную дискуссию не следует рассматривать как идеологическое обоснование отказа от обязательств государства по соблюдению гражданских прав и свобод. Каждый автор подчеркивает, что общество должно быть готово к возможным сценариям развития при возросшей активности террористических организаций. Такая готовность возникнет только при открытом обсуждении всех нюансов потенциальной проблематики. Кроме того, современные террористы способны к нанесению серьезного урона целому государству, что невольно ставит вопрос о цене, которую готово заплатить общество за наносимый ущерб.

Представитель Техасского технического университета Г. Керзер более конкретен, прямо утверждая, что пытки в отношении террористов морально необходимы и должны применяться, если это единственный способ предотвратить бедствие. Граждане, отказывающиеся в применении пыток, действуют «неправильно, но добродетельно, демонстрируя при этом восхитительную безнравственность» (Curzer 2006, 39); в этом вопросе необходим исключительный прагматизм. При этом автор признает, что возможны пытки невинных людей. Г. Керзер цитирует замечательный диалог из произведения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» о счастье человечества, для достижения которого необходимо замучить только одного крохотного ребенка (хотя своего варианта цены слезы ребенка так и не представляет). Г. Керзер приводит и специфическую логическую последовательность: убийства запрещены, однако закон допускает их в некоторых случаях (например, при самообороне).

Другой представитель Гарвардской школы М. Игнатъевф (известный канадский политик, был лидером Либеральной партии Канады), отталкиваясь от идей либерализма, также объясняет необходимость применения насилия к террори-

стам. Демократия должна уметь себя защищать. Вся история борьбы с террором показывает, что только сила и решительность могут стать «мощным ответом» (Ignatieff 2004, 11). В отношении пыток М. Игнатъевф высказался весьма осторожно, посчитав, что подобные методы получения информации являются «анафемой либеральной демократии», поскольку человек «превращается в расходимый материал» (Ignatieff 2004, 96). Вместо термина «пытка» используется менее яркое понятие «принудительный допрос». В других своих работах М. Игнатъевф отмечает, что, несмотря на тотальный запрет пыток, они используются достаточно часто («Спор о пытках не так прост, как кажется» (Ignatieff 2006)). Подобная практика, как оказалось, встречается и при допросах террористов, осуществляемых странами западной антитеррористической коалиции. Именно поэтому после некоторых отступлений о ценностях либерализма М. Игнатъевф отмечает: если либерал категорически отрицает пытки, то в какой-то момент он должен дать себе отчет, готов ли он заплатить высокую цену, руководствуясь своими убеждениями. И если после совершенного теракта, в котором погибнет множество мирных людей, станет известно, что его можно было бы предотвратить путем интенсивного допроса задержанного подозреваемого, то цена убеждений «может показаться слишком высокой» (Ignatieff 2006).

2.3. Запрет пыток: особенности юридического толкования

Юридические научные дискуссии имеют определенный эффект: законодатель, следуя им, принимает соответствующие правовые акты. Доктринальные предложения о допустимости пыток в условиях нарастания террористических угроз отчасти могут стать провокацией — при наличии абсолютного запрета такие тезисы ученых создают иллюзию легитимности возможных исключений. Именно поэтому в США в результате подталкивания исполнителей к получению необходимого объема информации от лиц, подозреваемых к террористической деятельности, появились официальные документы, трактующие те или иные нормы как международного, так и национального права.

В ходе сенатских слушаний в США была представлена информация, что в 2002 г. ЦРУ обратилось в Министерство юстиции США с просьбой разъяснить ситуацию, связанную с возможными интенсивными допросами лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды»*. Washington Post опубликовала записку Дж. Байби, адресованную советнику Белого дома А. Гонсалесу от 01.08.2002³². В ней дается оценка тех действий сотрудников спецслужб, которые в соответствии с национальными правилами и международными обязательствами не должны подпадать под понятие «пытка». На официальном сайте Министерства юстиции США представлена также записка А. Гонсалесу от 01.08.2002, подписанная заместителем помощника Генерального прокурора США Дж. Ю³³. Впоследствии, 17.04.2009, на сайте WikiLeaks

* Террористические организации, запрещены на территории Российской Федерации.

³² Memorandum for Alberto R. Gonzales. Counsel to the President. Дата обращения 28 декабря, 2020. https://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/documents/cheney/torture_memo_aug2002.pdf.

³³ Letter to the Honorable Alberto R. Gonzales, Counsel to the President, from John Yoo, Deputy Assistant Attorney General, Office of Legal Counsel. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://www.justice.gov/sites/default/files/olc/legacy/2010/08/05/memo-gonzales-aug1.pdf>.

была опубликована еще одна записка от 01.08.2002³⁴, но уже в адрес Дж. Риццо, главного юрисконсульта ЦРУ, в которой анализируется «интенсивный допрос» Абу Забейды. После указанных публикаций «меморандум о пытках» стали именовать в СМИ «доктриной Ю — Байби». Логика оправдания пыток в записках идентичная:

- президент США является Верховным главнокомандующим Вооруженных сил США, что позволяет ему определять правовой режим ведения боевых действий, а также поручать допросы для получения военной информации;
- США ведут войну против террора, где террорист — представитель воюющей стороны; при этом Женевские конвенции не распространяются на террористов, поскольку они не являются комбатантами; террористы не могут рассчитывать на иммунитеты, предоставляемые военнопленным, поскольку «Аль-Каида» — негосударственная террористическая организация*, не взявшая на себя юридических обязательств по соблюдению международного гуманитарного права;
- пытки по смыслу американского законодательства и международных документов будут таковыми, если они: а) причиняют длительные страдания, длящиеся месяцами; б) сопровождаются серьезными физическими увечьями, такими как повреждение органов или смерть.

В документах содержатся также пространные рассуждения о том, как ответственные сотрудники спецслужб смогут избежать ответственности за интенсивный допрос. По мнению авторов «доктрины Ю — Байби», для возбуждения уголовного дела необходим умысел именно на причинение страданий, однако при допросе умысел направлен на получение информации. Привлечение к ответственности осложняется, если допрос проводился вне пределов США.

После того как документы были преданы огласке, официальная позиция Министерства юстиции США основывалась на том, что все эти документы являются аналитическими, представляют собой «научный обзор» законов США и международных конвенций (Allen, Priest 2004). Дж. Байби впоследствии был выведен из-под общественной критики — Дж. Буш-младший назначил его федеральным судьей в Апелляционном суде 9-го округа. В Сенате США неоднократно поднимался вопрос о разглашении всех внутренних документов, приведших к подписанию «меморандума о пытках», но все инициативы были заблокированы Генеральным прокурором. В 2009 г. после отмены всех спорных документов при правлении Президента США Б. Обамы «меморандум о пытках» был официально назван профессиональной ошибкой его авторов³⁵.

Несмотря на официальный отказ от «доктрины Ю — Байби», можно увидеть определенные противоречия в реализации абсолютного запрета пыток, которыми и воспользовались авторы меморандума. Использование экстраординарных режимов для противодействия чрезвычайным угрозам — испытанная политика многих

³⁴ US Justice torture memo for CIA: Interrogation of al Qaeda Operative, 1 August, 2002. Дата обращения 28 декабря, 2020. https://wikileaks.org/wiki/US_Justice_torture_memo_for_CIA:_Interrogation_of_al_Qaeda_Operative,_1_Aug_2002.

* Запрещена на территории Российской Федерации.

³⁵ Report. July 29, 2009. Дата обращения 20 декабря, 2020. <https://fas.org/irp/agency/doj/opr-final.pdf>.

государств. Более того, усиление террористических угроз порождает нестандартные подходы к их нейтрализации. Обратим внимание, что юристы администрации Президента США указывают на некоторые особенности практической составляющей привлечения к уголовной ответственности: вовлечение в оценку внутренних действий спецслужб норм международного гуманитарного права; экстерриториальность совершения допроса; отсутствие международных соглашений о статусе международных террористов. В условиях открытости границ и информационного пространства терроризм стал международной проблемой, выйдя далеко за пределы национальных юрисдикционных границ. Не зря во многих европейских странах принимаются законы, серьезным образом корректирующие принципы уголовного права в части их действия во времени и в пространстве. В качестве примера можно привести введение уголовной ответственности за пребывание на территории, контролируемой террористической организацией (Великобритания³⁶, Бельгия³⁷). При этом подлежат ответственности и неграждане страны, в том числе при отсутствии доказательств об их причастности к преступным действиям против государства, в котором такая ответственность установлена, или против его граждан.

В западном научном мире есть последовательные противники пыточных практик, которые много сделали для отмены «доктрины Ю — Байби». Еще задолго до 11 сентября Г. Шу указывал: «Существуют значительные доказательства метаэтической тенденции всех пыток» (Shue 1978, 139). Иными словами, пытки, примененные раз, будут применяться и далее. Подобный метод допроса имеет определенную привлекательность для сотрудников правоохранительных органов, поскольку сокращает время сбора необходимых данных.

Профессор Университета Альберта У. Н. Ренке задается справедливыми вопросами: «Многие аспекты позиции Дершовица требуют уточнения: какие виды риска могут привести к пыткам (риск смерти или тяжелой травмы, серьезный материальный ущерб); сколько человек должно быть в опасности (достаточно ли одного; если нет, сколько еще); какая информация должна быть у человека, чтобы подвергнуться пыткам (знание плана, знание финансовой поддержки, знание местонахождения потенциального преступника); на какие доказательства можно полагаться (будет ли достаточно слухов); какой стандарт доказательства должен быть удовлетворен (только доказательство баланса вероятностей; доказательства вне разумного сомнения); какие строгие меры могут быть разрешены (стерильная игла Дершовица под ногтями, психологическая дезориентация, тряска, удушье, почти утопление, электрическая стимуляция); как можно использовать информацию, полученную в результате пыток (Дершовиц прав, что информация не может быть использована против субъекта в его или ее собственном судебном преследовании, но как насчет судебного преследования других?)» (Renke 2003, 794). Дж. Най настаивает на принципе морального абсолютизма, не допускающем оправдание цели, однозначно осуждающем пытки как противоречащие всей концепции прав человека (Nye 2005, 21). Р.Эванс считает, что пытки всегда зло, а реальные факты их применения не должны служить их оправданием, даже если они проводятся для спасения жизни людей (Evans 2007).

³⁶ Counter-Terrorism and Security Act, 2015. Дата обращения 20 декабря, 2020. http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/6/pdfs/ukpga_20150006_en.pdf.

³⁷ Loivisant à renforcer la lutte contre le terrorisme. 2015. Дата обращения 20 декабря, 2020. https://etaamb.openjustice.be/fr/loi-du-20-juillet-2015_n2015009385.

3. Выводы

Новые террористические угрозы оказывают заметное влияние на абсолютность запрета пыток. Многие авторы, отстаивающие либеральные взгляды (подчеркнем эту особенность), задаются показательным вопросом: какую цену готово заплатить общество при нарастании угроз жизни значительного числа граждан или критической инфраструктуре, выход которой из строя способен парализовать нормальную жизнь целого государства? Актуальность данной проблемы нарастает в силу способности современных террористических организаций адаптироваться к стандартным мерам противодействия. Казалось бы, мир успокоился, когда «Талибан» и «Аль-Каида»* свернули свои крупные преступные инициативы. Но появилась еще более масштабная опасность в лице «Исламского государства» (организация запрещена в Российской Федерации), в самом названии претендующего на формирование публично-правового образования. Можно наблюдать, как видоизменяется понятие террористического государства. Выход проблематики на иной уровень приводит к трансформации многих аспектов противодействия терроризму. Это, безусловно, касается и нового взгляда на абсолютность запрета пыток.

Запрет пыток закрепляется во многих международных правовых актах, посвященных правам человека, а также в конституциях большинства государств. В каждой стране есть реальная практика преследований официальных должностных лиц за пытки. Тем самым государство признает противоправность подобных действий, унижающих человеческое достоинство. В то же время политико-правовая наука все отчетливее заявляет о наличии исключений. В странах Западной Европы разработана специальная концепция «тикающей бомбы», когда при использовании практики интенсивного допроса следует исходить из баланса между достоинством личности подозреваемого в подготовке террористического акта и безопасностью добропорядочных граждан, общества, государства. Нередко упоминается институт крайней необходимости. В таких условиях некоторые должностные лица многих стран прямо или косвенно признают использование пыток в условиях «войны против террора». В России отсутствуют значимые работы по данной теме, хотя высокая степень террористической опасности и наличие пыточных практик (периодически предающихся публичной огласке) должны повлечь за собой широкую научную дискуссию. По-видимому, отечественной науке еще предстоит дать взвешенную оценку российским реалиям, а также внести вклад в поиск нового баланса таких ценностей, как обеспечение безопасности, свобода, права человека.

Библиография

- Владимиров, Леонид Е. 1910. *Учение об уголовных доказательствах*. СПб.: Законоведение.
- Вольтер, Франсуа Мари. 1956. «О пытке». Вольтер, Франсуа Мари. *Избранные произведения по уголовному праву и процессу*. Под ред. Алексея Герцензона, 79–80. М.: Госюриздат.
- Вышинский, Андрей Я. 1941. *Теория судебных доказательств в советском праве*. М.: НКЮ СССР.
- Дершовиц, Алан. 2011. *Слово в защиту Израиля*. М.: Текст.
- Канторович, Яков. 1896. *Средневековые процессы о ведьмах*. СПб.: Издание Я. А. Канторовича.
- Краммер, Генрих, Яков Шпренгер. 2017. *Молот ведьм*. М.: Эксмо.

* Террористические организации, запрещены на территории Российской Федерации.

- Ланглюа, Шарль В. 1903. *Инквизиция по новейшим трудам*. СПб.: М. и С. Сабашниковы.
- Сергеевич, Василий И. 1910. *Лекции и исследования по древней истории русского права*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Троицкая, Александра. 2015. «Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ». *Сравнительное конституционное обозрение* 2: 45–69.
- Трубецкой, Евгений Н. 1917. *Лекции по энциклопедии права*. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова.
- Allen, Mike, Dana Priest. 2004. “Memo on torture draws focus to Bush. Aide says president set guidelines for interrogations, not specific techniques”. *Washington Post*. Дата обращения 20 декабря, 2020. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A26401-2004Jun8.html?noredirect=on>.
- Alter, Jonathan. 2001. “Time to think about torture”. *Newsweek*. Дата обращения 20 декабря, 2020. <https://www.newsweek.com/time-think-about-torture-149445>.
- Curzer, Howard J. 2006. “Admirable immorality, dirty hands, ticking bombs, and torturing innocents”. *The Southern Journal of Philosophy* 44 (1): 31–56.
- Dershowitz, Alan. 2002. *Why terrorism works: Understanding the threat, responding to the challenge*. London: Yale University Press.
- Evans, Rebecca. 2007. “The ethics of torture”. *Human Rights & Human Welfare* 7: 53–66.
- Fearon, James D. 2003. “Catastrophic terrorism and civil liberties in the short and long run”. *The symposium on “Constitutions, Democracy, and the Rule of Law”, Columbia University’s 250th anniversary celebrations*. Дата обращения 20 декабря, 2020. http://ci.columbia.edu/ci/c250/symposia/constitutions/constitutions_vid_archive.html.
- Honeywood, Christian A. 2016. “Britain’s approach to balancing counter-terrorism laws with human rights”. *Journal of Strategic Security* 9 (3): 28–48.
- Ignatieff, Michael. 2004. “The lesser evil: Political ethics in an age of terror”. Princeton: Princeton University Press.
- Ignatieff, Michael. 2006. “If torture works...” *Prospect*. Дата обращения 20 декабря, 2020. <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/iftortureworks>.
- McLaughlin, Abraham. 2001. “How far Americans would go to fight terror”. *Christian Science Monitor*. Дата обращения 28 декабря, 2020. <https://www.csmonitor.com/2001/1114/p1s3-usju.html>.
- Meisels, Tamar. 2008. “Torture and the problem of dirty hands”. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence* 21: 149–173.
- Nye, Joseph S. Jr. 2005. *Understanding international conflicts: An introduction to theory and history*. 5th ed. New York: Pearson.
- Posner, Richard A. 2006. *Not a suicide pact: The constitution in a time of national emergency (inalienable rights)*. Oxford: Oxford University Press.
- Renke, Wayne N. 2003. “Book reviews: Why terrorism works: Understanding the threat, responding to the challenge, Alan M. Dershowitz”. *Alberta Law Review. Special Issue: Globalization and the Law* 41 (3): 771–796.
- Reza, Sadiq. 2007. “Torture and Islamic law”. *Chicago Journal of International Law* 8 (1): 21–41.
- Segev, Re'em. 2009. “Balancing, Judicial review, and disobedience: Comments on Richard Posner’s analysis of anti-terror measures (not a suicide pact)”. *Israel Law Review* 42 (2): 234–247.
- Shue, Henry. 1978. “Torture”. *Philosophy and Public Affairs* 7 (2): 124–143.
- Walzer, Michael. 1973. “Political action: The problem of dirty hands”. *Philosophy & Public Affairs* 2 (2): 160–180.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2020 г.;
рекомендована к печати 27 мая 2022 г.

Контактная информация:

Романовский Георгий Борисович — д-р юрид. наук, проф.; ur406@mail.ru
Романовский Владислав Георгиевич — канд. юрид. наук; Vlad93@sura.ru

Transforming the prohibition of torture in the context of rising terrorist threats*

G. B. Romanovsky, V. G. Romanovsky

Penza State University,
40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russian Federation

For citation: Romanovsky, Georgy B., Vladislav G. Romanovsky. 2022. “Transforming the prohibition of torture in the context of rising terrorist threats”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 599–616. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.302> (In Russian)

The article explores the content of the prohibition of torture in constitutional and international acts. The ban is absolute, as confirmed by the extensive practice of international human rights organizations. At present, a revision of the general attitude towards torture in Western Europe is taking place against the background of increasing terrorist threats. In the United States, after the September 11, 2001 terrorist attack, at the level of Justice Department directives, certain methods of “intensive interrogation” were allowed in order to obtain information from persons captured during anti-terrorist operations. It was assumed that in the conditions of the “war on terror”, terrorists were not subject to the privileges provided for by the Geneva Conventions in relation to prisoners of war. Our study involves an analysis of a wide range of sources on problems of the use of torture in the context of countering terrorism, and provides an analysis of foreign scientific discussions of the admissibility of torture against terrorists. One argument is the lack of moral boundaries among terrorists themselves, capable of committing deadly attacks against civilians. Supporters of the use of torture proceed from the principle of extreme necessity for obtaining information about the planned terrorist acts. Opponents of torture proceed from the principle of the moral absolute, which does not justify attaining a goal by any means. In modern legal science there is a search for a balance of interests: the dignity of a person suspected of preparing a terrorist act, and the safety of other citizens, society, and the state.

Keywords: torture, human dignity, prohibition, ticking bomb, constitutional value, terrorism, threat.

References

- Allen, Mike, Dana Priest. 2004. “Memo on torture draws focus to Bush. Aide says president set guidelines for interrogations, not specific techniques”. *Washington Post*. Accessed December 20, 2020. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A26401-2004Jun8.html?noredirect=on>.
- Alter, Jonathan. 2001. “Time to think about torture”. *Newsweek*. Accessed December 20, 2020. <https://www.newsweek.com/time-think-about-torture-149445>.
- Curzer, Howard J. 2006. “Admirable immorality, dirty hands, ticking bombs, and torturing innocents”. *The Southern Journal of Philosophy* 44 (1): 31–56.
- Dershowitz, Alan. 2002. *Why terrorism works: Understanding the threat, responding to the challenge*. London, Yale University Press.
- Dershowitz, Alan. 2011. *A Word for Israel*. Moscow, Tekst Publ. (In Russian)
- Evans, Rebecca. 2007. “The ethics of torture”. *Human Rights & Human Welfare* 7: 53–66.
- Fearon, James D. 2003. “Catastrophic terrorism and civil liberties in the short and long run”. *The symposium on “Constitutions, Democracy, and the Rule of Law”, Columbia University’s 250th anniversary celebrations*. Accessed December 20, 2020. http://ci.columbia.edu/ci/c250/symposia/constitutions/constitutions_vid_archive.html.
- Honeywood, Christian A. 2016. “Britain’s approach to balancing counter-terrorism laws with human rights”. *Journal of Strategic Security* 9 (3): 28–48.

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00096.

- Ignatieff, Michael. 2004. "The lesser evil: Political ethics in an age of terror". Princeton, Princeton University Press.
- Ignatieff, Michael. 2006. "If torture works..." *Prospect*. Accessed December 20, 2020. <https://www.prospect-magazine.co.uk/magazine/iftortureworks>.
- Kantorovich, Iakob. 1896. *Medieval witch trials*. St Petersburg, Ia. A. Kantorovich Publ. (In Russian)
- Kramer, Genrikh, Iakob Shprenger. 2017. *Hammer of the witches*. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Langlua, Sharl'V. 1903. *Inquisition on the latest writings*. St Petersburg, M. i S. Sabashnikovy Publ. (In Russian)
- McLaughlin, Abraham. 2001. "How far Americans would go to fight terror". *Christian Science Monitor*. Accessed December 28, 2020. <https://www.csmonitor.com/2001/1114/p1s3-usju.html>.
- Meisels, Tamar. 2008. "Torture and the problem of dirty hands". *Canadian Journal of Law & Jurisprudence* 21: 149–173.
- Nye, Joseph S. Jr. 2005. *Understanding international conflicts: An introduction to theory and history*. 5th ed. New York, Pearson.
- Posner, Richard A. 2006. *Not a suicide pact: The constitution in a time of national emergency (inalienable rights)*. Oxford, Oxford University Press.
- Renke, Wayne N. 2003. "Book reviews: Why terrorism works: Understanding the threat, responding to the challenge, Alan M. Dershowitz". *Alberta Law Review. Special Issue: Globalization and the Law* 41 (3): 771–796.
- Reza, Sadiq. 2007. "Torture and Islamic law". *Chicago Journal of International Law* 8 (1): 21–41.
- Segev, Re'em. 2009. "Balancing, Judicial review, and disobedience: Comments on Richard Posner's analysis of anti-terror measures (not a suicide pact)". *Israel Law Review* 42 (2): 234–247.
- Sergeevich, Vasilii I. 1910. *Lectures and research on the ancient history of Russian law*. St Petersburg, Tipografia M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Shue, Henry. 1978. "Torture". *Philosophy and Public Affairs* 7 (2): 124–143.
- Troitskaia, Aleksandra. 2015. "Limits of rights and absolute rights: Beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 2: 45–69. (In Russian)
- Trubetskoi, Evgenii N. 1917. *Lectures on the encyclopedia of law*. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova Publ. (In Russian)
- Vladimirov, Leonid E. 1910. *The doctrine of criminal evidence*. St Petersburg, Zakonovedenie Publ. (In Russian)
- Vol'ter, Fransua Mari. 1956. "About torture". Vol'ter, Fransua Mari. *Izbrannye proizvedeniia po ugovnomu pravu i protsessu*. Ed. by Aleksei Gertsenzon, 79–80. Moscow, Gosizurizdat Publ. (In Russian)
- Vyshinskii, Andrei Ia. 1941. *The theory of judicial evidence in Soviet law*. Moscow, NKIU SSSR Publ. (In Russian)
- Walzer, Michael. 1973. "Political action: The problem of dirty hands". *Philosophy & Public Affairs* 2 (2): 160–180.

Received: December 29, 2020

Accepted: May 27, 2022

Authors' information:

Georgy B. Romanovsky — Dr. Sci. in Law, Professor; up406@mail.ru

Vladislav G. Romanovsky — PhD in Law; Vlad93@sura.ru